

IV

КЮВЬЕ — В ВИДЕ ЧАЦКИНА И ГОРВИЦА

В № 67 «С.–Петербургских ведомостей», 25 марта, то есть ровно через шесть дней после диспута гг. Погодина и Костомарова, появилась восторженная статейка г. Северцова, в которой между прочим было сказано:

«Кювье, тридцать лет направлявший беспримерно до тех пор быстрые успехи зоологии, *объявил, что предел назначен, что наука век должна оставаться на этой же степени развития, только обогащаясь подробностями.* Жоффруа Сент–Илер⁴⁵ отстоял начатый им, теперь уже сделанный, новый шаг науки, и мы видим для нее, благодаря этому протесту против осуждения на застой, хоть бы великим Кювье, такую необъятную будущность, что сведения, удвоенные против казавшихся почти окончательными в 1830 году, теперь являются слабым началом дальнейшего развития.

«Этот плодотворный протест против застоя был, как нам показалось... и проч.»

Это было сказано собственно не в обиду Кювье или кому–нибудь, — статейка имеет тон восторженный, до обиды ли тут? — а в похвалу настоящему времени, когда... когда происходят такие явления, как диспут гг. Погодина и Костомарова, который очень понравился г. Северцову. Однако три академика, гг. Бэр, Брандт и Миддендорф⁴⁶, поняли дело иначе и через три дня (заметьте, какая поспешность — тотчас видно, что вопрос нешуточный, не то, что дело о двух тысячах голодающих и мрущих рабочих⁴⁷, в котором г. Кокорев допускал паузы по месяцу и более), именно 29 марта, поместили в 69 № «С.–Петербургских ведомостей» следующий протест:

ПРОТЕСТ ПРОТИВ НАПАДКИ НА КЮВЬЕ

«В № 67 «Санктпетербургских ведомостей» нынешнего года в фельетонной статье «Два слова о диспуте гг. Погодина и Костомарова» автор ее приписывает великому Кювье, будто он объявлял: что предел успехам зоологии назначен, что наука век должна оставаться на той же степени развития, только обогащаясь подробностями, и что Жофруа де Сент–Илер успешно протестовал против такого осуждения на застой, произнесенного великим Кювье.

Мы, нижеподписавшиеся, считаем долгом торжественно объявить, что заключающееся в этих словах обвинение прямо противоречит всему духу творений Кювье, и что мы с сожалением видим такие слишком неосторожные отзывы, оскорбляющие память великих преобразователей науки. Даже если бы у гениального естествоиспытателя случайно когда–либо вырвались подобные выражения, то не должно пользоваться ими, чтобы вводить публику в заблуждение относительно значения Кювье в истории науки».

Бэр, Брандт, Миддендорф.

«Свисток», некогда пришедший в умиление от протеста⁴⁸ против г. Зотова в пользу гг. Чацкина и Горвица, не мог не умилиться этим новым протестом,

142

не мог не воскликнуть:

О, гласность русская! ты быстро зашагала
Как бы в восторженном каком–то забытье:

**Живого Чацкина ты прежде защищала,
А ныне добралась до мертвого Кювье.**

И хорошо, очень хорошо вышло! Кювье человек мертвый, ему у всякого достанет ума сообразить, что и почему с ним делают: умер, защищаться не может, так вот его и защищают. Если посмотрим с другой стороны, то и г. Северцову тоже ничего: он выскользнул из рук диких коканцев⁴⁹ и жив остался, так что ему три академика? Словом, очень хорошо, безобидно вышло, так хорошо, что мы не отдали бы нового протеста за десять зотовских, не отдали бы ни за что, разве

**За спор о Свечиной⁵⁰ Каткова
С Евгениею Тур!**